

С. В. КНЯЗЕВ, Е. В. ШАУЛЬСКИЙ

ГЕНЕЗИС ДИССИМИЛЯТИВНОГО АКАНЬЯ (В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ФОНОЛОГИЗАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ)*

В диалектологии аканьем принято называть нейтрализацию безударных гласных, которая может осуществляться в любом звуке: после парных твердых согласных это обычно [а] и/или [ъ] (реже [ы]), а после мягких — [а] и/или [ь] ([и]) [Аванесов 1949: 62, 66]. В позиции после твердых согласных этот тип вокализма называется аканьем в узком смысле [Аванесов 1949: 62]¹.

Одной из особенностей ряда говоров южнорусского наречия является диссимильативное аканье — такой тип вокализма в первом предударном слоге после парных твердых согласных, при котором фонетическая реализация гласных фонем неверхнего подъема определяется качеством (а в некоторых случаях — этимологией) гласного ударного слога. Надежно выделяются и многократно описаны два типа такого аканья: архаический (обоянский) и жиздринский (белорусский) (см. табл. 1).

Системные соображения позволяют предположить существование и третьего типа диссимильативного аканья (табл. 2).

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO), грант № 047.011.2005.017. Предварительная версия данной работы была представлена в качестве доклада на Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» 23 октября 2006 г., см. [Князев, Шаульский 2006].

¹ Ср. также: «В настоящее время в русском языкознании под аканьем (в широком смысле) принято понимать неразличие гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге — независимо от того, какие именно гласные произносятся в этой позиции в каждом конкретном диалекте» [Хабургаев 1965: 55; курсив наш. — С. К., Е. Ш.]. В работах Л. Л. Касаткина развивается иное понимание термина *аканье*, актуализирующее его внутреннюю форму: «Аканье (...) в узком смысле — неразличение /о/ и /а/ в безударном положении после твердых согласных при совпадении их в части позиций в звуке [а]» [Касаткин (ред.) 2005: 37; курсив наш. — С. К., Е. Ш.].

Таблица 1

Архаический и жиздринский типы диссимильативного аканья

архаический		жиздринский	
предударный гласный	ударный гласный	предударный гласный	ударный гласный
а	и ы у ё ô	а	и ы у ё ô
ъ	е о а	ъ	е о а

Таблица 2

Третий потенциально возможный тип диссимильативного аканья

предударный гласный	ударный гласный
а	и ы у
	ё ô
ъ	е о
	а

Однако вопрос о его действительном наличии в современных говорах или предшествовавших им системах до сих пор нельзя считать окончательно проясненным: «В современных говорах в „чистом“ виде этот вокализм не отмечен. Существование такой системы можно предполагать (по недостаточно достоверным материалам) в нескольких населенных пунктах на территории Прохоровского, Боброво-Дворского, Чернянского и Волоконовского районов Белгородской области» ([Кузнецов (ред.) 1973: 50] — раздел написан Т. Ю. Строгановой).

Сравнительно недавно в научный оборот были введены тексты из с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл., где предполагается наличие подобного типа вокализма, который предложено называть *прохоровским* [Касаткина (ред.) 1999: 46]; в литературе встречается по отношению к этому типу и название *донской*, по аналогии с соответствующим типом яканья [Колесов (ред.) 1998: 63]. Однако полного соответствия третьему типу диссимильативного аканья в опубликованных текстах не наблюдается: в сопровождающей их транскрипции отмечаются многочисленные отступления от него ([рд'им'ин'к'и], [үэвэр'у], [нэ блжн'ицу], [плалжыль], [таб'ё], [навэрнъ], [нэ картóху], [жирадрóm], [пашлá], [кал'йáск'и] и т. п.; сплошной инструментальный анализ позволяет обнаружить гораздо большее их количество), а для обозначения всех возможных гласных в первом предударном слоге от [э] до [а] включительно используются пять разных символов.

Не решен вопрос и о возможном происхождении прохоровского аканья. Р. И. Аванесов предполагал, что этот тип «может быть объяснен отходом

диссимилятивного аканья белорусского типа, а также, возможно, влиянием соседних украинских говоров» [Аванесов 1974: 146]; согласно В. В. Колесову, он вторичен по отношению к донскому яканью и развился по аналогии с ним [Колесов (ред.) 1998: 63].

В истории русского языка компенсаторная диссимиляция гласных первого предударного и ударного слогов изначально осуществлялась по длительности: перед долгим ударным произносился краткий предударный и наоборот. Эта идея впервые была сформулирована О. Броком в 1916 г.: «Мена съhá : сахú, šístrá : šastrú, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующих слогах. (...) Можно предположить, что появление „ǎ“ : „ā“ (а) зависело сначала от долготы следующего, ударяемого гласного (...). С первоначальными количественными отношениями общеславянской и общерусской эпох эти ударяемые долготы : краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по исчезновении старших, этимологических количественных отношений. За то обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, показывает, что ударяемому а правильно предшествует ъ, т. е. краткость, ударяемым же і, у, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует а, т. е. долгота. Заключаю из этого, что речь идёт о количестве „натурой“; á было натурой „долгим“, í и пр. натурой „краткими“ гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признанного явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире» [Брок 1916: 57—59]. Действительно, из общей фонетики известно свойство гласного быть тем длительнее, чем ниже его подъем — так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке собственная длительность ударных гласных верхнего подъема ([и], [ы], [у]) составляет около 75 %, а длительность ударных гласных среднего подъема ([е], [о]) — около 90 % от длительности ударного гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989: 68]. Таким образом, в говорах с диссимилятивным аканьем перед самым долгим гласным, ударным [á], выступает краткий [ǎ] (после мягких согласных — [ь], [и]), перед самыми краткими ударными [í ы ú] — долгий [а]; гласные среднего и средне-верхнего подъема по долготе занимают промежуточное положение и сейчас могут выступать либо как «функционально долгие», либо как «функционально краткие», требуя в зависимости от этого в предшествующем слоге либо [ь], либо [а]. Сам О. Брок позднее счел убедительными доводы А. А. Шахматова [1915: 331—343], который для всех акающих говоров считал исходным архаический (обоянский) тип диссимилятивного аканья-яканья²: «Уже во время печатания настоящего

² Следует отметить, что в начале XX в., когда работали О. Брок, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, различные типы диссимилятивного аканья (в узком смысле) в русских говорах еще не были описаны, известен был лишь белорусский тип (открытый А. А. Шахматовым [1896: 65]); названные учёные, следовательно, могли

труда я получил Выпуск 11.1 Энциклопедии славянской филологии, в котором Шахматов развивает свои широкие, в высшей степени интересные соображения о всех тех количественных и других явлениях, в которые здесь описываемые отношения входят как частичное развитие. Под влиянием его доводов мои мнения должны более или менее изменяться; разные вопросы у меня поставлены вообще слишком узко; но переменить все мое изложение, к сожалению, невозможно; поэтому оставляю его нетронутым» [Брок 1916: 61]. Впрочем, в работах О. Брока нет никаких указаний на то, что он считал первичным именно диссимилятивное аканье, более того, его гипотеза — в отличие от концепции А. А. Шахматова — не требует этого допущения в обязательном порядке. Мы, таким образом, придерживаемся точки зрения, согласно которой первичным является недиссимилятивное аканье — именно из него непротиворечиво и без дополнительных допущений выводятся все известные в настоящее время модели акающего вокализма как после твердых, так и после мягких согласных [Князев 2000; 2001; 2003; Князев, Пожарицкая 2002]. Можно предполагать, что в процессе формирования количественно-динамического ударения все ударные гласные определенным образом (в первую очередь по длительности) оказались противопоставлены гласным безударных слогов. Удлинение гласных под ударением вело к сокращению безударных гласных и редукации их до степени [ъ] ([’ъ]), в особенности тех гласных, которые находились перед ударными, точно так же, как сокращались сверхкраткие ъ и ь в позиции перед гласными полного образования в эпоху падения редуцированных. При этом сокращению обычно подвергались все гласные, кроме самых кратких, каковыми являлись гласные верхнего подъема: «Гласные высокие, *i* и *u*, сохранились (...). Гласные же со средним и низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твердого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп все сливались в свое время в предударном слого в одну и ту же „редуцированную“ гласную артикуляцию, после твердого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний „иррациональный“ оттенок — т. е. в какие-то „ъ“ и „ь“, представлявшие относительные гласные положения безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этих групп (*a*, *o* — ‘*e*’, ‘*ъ*’, ‘*a*’, ‘*o*’) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от

при построении своих гипотез основываться лишь на данных о различных моделях диссимилятивного аканья, которые были известны лучше. Ср.: «По имеющимся записям диалектологических матерьялов и описаниям говоров эти изменения (совпадение *ô* и *o*, *ě* и *e*. — С. К., Е. Ш.) можно проследить только на произношении предударных гласных после мягких, так как после твердых диссимилятивность в большей части ю.-в.-р. говоров или утрачена, или не отмечена наблюдателями (...) относительно сохранения диссимилятивности после твердых в таких говорах имеющиеся сведения не достаточны» [Дурново 1969: 157]. Архаический тип диссимилятивного аканья был открыт Т. Ю. Строгановой в 50-е гг. XX в. [Строганова 1955].

гласного следующего, ударяемого слога (...) в зависимости от количества его» [Брок 1916: 26]. Эта зависимость изначально представляла собой чисто фонетическую коартикуляционную закономерность и лишь позднее была разными способами фонологизирована³ в некоторых акающих говорах.

Итак, первичная акающая модель вокализма должна была характеризоваться произношением нейтрального звука «положения безразличности» типа [ъ] ([’ъ]) в первом предударном слоге на месте всех гласных фонем неверхнего подъема. В этой системе длительность гласного в первом предударном слоге, вероятно, равномерно убывала с понижением подъема ударного гласного (т. е. увеличением его собственной длительности). В современных говорах подобной модели вокализма до сих пор описано не было. Собственно, процесс фонологизации такой квантитативной зависимости мы понимаем как процесс установления четкой границы (будем называть ее *линией фонологизации*) между ударными гласными разного подъема, соответствующей их «функциональной долготе / краткости». Гласные функционально разделяются, таким образом, на два класса: те, что выше линии фонологизации — «функционально краткие», те, что ниже — «функционально долгие»⁴. Постепенность и равномерность убывания длительности предударного гласного уступает место резко выраженному противопоставлению долгих и кратких. В говорах с формирующимся жиздринским аканьем линия фонологизации прошла между нижним и средним подъемами, в говорах с архаическим — между средним и средне-верхним⁵. При этом различия между долгим и кратким гласными первого предударного слога [а] и [ъ] в этих говорах разительны, а изменение от одного гласного к другому происходит скачкообразно⁶. Приведем в качестве примера данные о каче-

³ Под фонологизацией в данном случае мы имеем в виду превращение живого фонетического процесса в лингвистическое правило, а не появление каких бы то ни было новых фонологических единиц.

⁴ Речь здесь идет именно о «функциональной» долготе / краткости, т. к. в современных говорах с диссимилятивным аканьем (в широком смысле) ударные гласные разной длительности (resp. подъема) могут обуславливать появление в первом предударном слоге одного и того же гласного: в частности, именно так устроены «косые» типы яканья, см. прим. 5.

⁵ Мы называем системы, подобные архаическому или жиздринскому аканью (яканью), «прямыми», т. к. граница между подъемами в зоне переднего ряда проходит там же, где и в зоне непереднего ряда. Существуют и «косые» системы, характеризующие, например, дмитриевский или мосальский типы диссимилятивного яканья: в говорах с дмитриевским яканьем линия фонологизации в зоне переднего ряда проходит между средне-верхним и верхним подъемом, а в зоне непереднего — между средним и средне-верхним; в говорах с мосальским типом — соответственно между средне-верхним и верхним в зоне переднего ряда, нижним и средним — в зоне непереднего.

⁶ «(...) во всех системах, где диссимилятивное аканье — живое явление (...), наблюдается довольно последовательное и четкое противопоставление звучаний

стве⁷ и длительности ударного и первого предударного гласного в зависимости от подъема ударного⁸ в говоре д. Губарево Семилукского р-на Воронежской обл.⁹, где жиздринское аканье сочетается с донским яканьем (табл. 3).

Таблица 3

Жиздринское аканье и донское яканье в воронежском говоре

ударный гласный параметры	верхнего	среднего	нижнего	верхнего	среднего	нижнего
	подъема	подъема	подъема	подъема	подъема	подъема
	после твердых согласных			после мягких согласных		
длительность гласного 1-го предуд. слога, мс	112,6	96,2	65,0	147,1	60,1	81,4
длительность ударного гласного, мс	102,0	93,7	113,6	97,8	71,7	118,7
длительность гласного 1-го предуд. слога в % от длительности ударного	110	103	57	150	84	69
F ₁ гласного 1-го предуд. слога, Гц	859	844	564	726	369	373

Скачок в относительной длительности первого предударного гласного и в значении его F₁ связан, таким образом, с необходимостью пересечения линии фонологизации — границы между «функционально долгими» и «функционально краткими» гласными ударного слога.

гласных на месте этимологических *o-a* перед двумя указанными типами ударных гласных: нижнего подъема (и действующими на предударный вокализм аналогично) и верхнего подъема (и действующими на предударный вокализм аналогично)» [Сталькова 1973: 76]. Показательно, что, по данным С. С. Высотского, длительность всех гласных, воплощающих звукотип не-[a] перед функционально долгим ударным гласным при диссимилятивном аканье, примерно одинакова и при этом меньше длительности [a] перед функционально кратким: «Длительность гласного первого предударного слога *ъ, ь^м* (...) не отличается от длительности гласных ненижнего подъема в этой же позиции — *ы, у, э, (э^м), а, а^л, а^о* (встречаемых в ф(онетических) словах при диссимилятивном аканье)» [Высотский 1973: 37].

⁷ Подъему гласного соответствует в первую очередь положение F₁, а значение F₂, обычно связываемое с признаком ряда, в значительной степени зависит от консонантного контекста.

⁸ Без учета редуцированных служебных слов и слов с интонационным продлением гласных. Измерения производились при помощи компьютерной программы Speech Analyzer Ver. 1.5; ниже в таблицах 3, 5 и 6 приводятся среднеарифметические значения.

⁹ Текст № 39 в [Касаткина (ред.) 1999].

Иная картина наблюдается после твердых согласных в калужском говоре¹⁰, вокализм которого был описан как прохоровское аканье (см. выше). Ниже в табл. 4¹¹ приведены данные измерений частоты F_1 и F_2 гласного первого предупредарного слога и его длительности, а также длительности ударного гласного для всех слов, содержащих в первом предупредарном слоге гласные фонемы неверхнего подъема после твердого согласного; в табл. 5 — среднеарифметические значения этих параметров.

Таблица 4

Формантная структура и длительность всех гласных первого предупредарного слога после твердых согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема в соотношении с длительностью ударных гласных разного подъема в тексте из калужского говора

$F_1 / F_2, Гц$	l п/у, мс	уд., мс	
й Ы ү			
507,3 / 1610,3	88	86	звры́уг'
		91	засып'уг'
761,2 / 1712,7	71	95	гады́
659,5 / 1471,1	80	161	върау́ша
711,6 / 1250,6	62	101	маледу́жу
797,1 / 1520,8	70	90	пајду́
511,4 / 1704,3	60	113	схаді́ла
	91	70	у́вар'ід'
643,3 / 1571,5	64	62	ад'ін
764,0 / 1814,9	61	70	пајду́
	83	68	рѣд'ім'ин'к'и
696,9 / 1911,9	73	97	рад'ім'ин'к'иј
563,7 / 1304,1	73	83	у́ввьр'у́
	76	103	апслухъw
858,2 / 1795,5	79	85	ан'іск'и
603,5 / 1415,8	97	122	вдар'і́ла

¹⁰ Текст № 8 в [Касаткина (ред.) 1999].

¹¹ Транскрипция текста, из которой взяты транскрипции интересующих нас слов, помещаемые в последнем столбце табл. 4, сделана нами самостоятельно, без опоры на транскрипцию публикаторов [Касаткина (ред.) 1999: 43—45], и потому иногда с ней не совпадает (знак [v] заимствован из Международного фонетического алфавита и употребляется в том же значении, что и в МФА; в транскрипции мы различаем, таким образом, три гласных звука среднего ряда неверхнего подъема: [ъ в а]). Впрочем, мы в данном случае не полагаемся на свой слух и не придаем большого значения расхождениям в транскрипции, а делаем выводы исключительно на основании результатов инструментальных измерений. Если на месте данного слова оказалось технически невозможно; такие случаи при общих подсчетах не учитывались.

$F_1 / F_2, Гц$	l п / у, мс	уд., мс	
810,8 / 2153,3	83	95	пр'ихад'й
659,6 / 1545,4	95	78	н'и забуду
665,3 / 1321,1	78	98	мьй
572,5 / 1331,3	99	97	вазл'убл'инъи
620,7 / 1206,1	68	118	ньбежн'ицу
743,0 / 1811,6	68	88	бл'иуад'йр
633,4 / 1915,3	70	110	ан'утк'и
622,4 / 1285,1	77	65	пылежыль
599,6 / 1283,8	76	94	ньбъжн'иць
659,2 / 1713,4	66	66	къжу
673,4 / 1698,8	61	75	пръст'ит'е
673,2 / 1779,3	95	68	къды
446,6 / 1887,7	83	114	пау'йбл'и
470,9 / 1045,1	75	82	по wс'им
576,0 / 1577,4	61	98	хад'ит'
518,3 / 1607,9	95	76	хвам'ил'јъ
642,7 / 1327,9	89	115	пач'ульс'
618,2 / 1612,7	83	79	бл'иуад'йр
888,4 / 1314,1	90	167	былајун
656,8 / 1730,0	50	66	уъвьр'у
704,7 / 1483,4	76	91	аны
586,8 / 1287,7	68	117	бабул'а
846,8 / 1670,7	98	234	бл'иуад'йр
ѣ ѓ			
	78	113	ръбѣтъ'
	63	94	ръбѣтка
≈ 250 / ≈ 750	52	131	н'ь рьбѣт'н'ик
628,3 / 1788,6	65	92	тѣб'ѣ
505,4 / 1457,8	60	150	н'икъкоуъ
628,2 / 1846,2	50	70	тѣб'ѣ
725,3 / 1698,2	66	85	нев'ѣрнь
≈ 600 / ≈ 1500	50	62	тоб'ѣ
	63	53	тѣб'ѣ
540,1 / 1350,9	92	108	не рѣбѣту
419,9 / 1764,3	99	97	нев'ѣрнь
859,3 / 1773,5	67	105	нев'ѣрнь
635,4 / 1631,2	69	139	нъ рьбѣту
659,0 / 1659,8	65	101(79?)	не дърѣи
554,5 / 1528,2	81	61	ч'илѣв'ѣк
≈ 500 / 1599,2	71	89	тоб'ѣ
894,2 / 1109,0	66	125	па хл'ѣп
818,7 / 1373,4	85	104	нев'ѣрнь
ѣ ѓ			
659,1 / 1319,1	71	170	колхѣз
491,0 / 1559,0	63	91	ръзѣч'иг

$F_1 / F_2, Гц$	l п / у, мс	уд., мс	
751,1 / 1530,6	56	131	зълетѣнај
	76	104	даиѣт'
601,4 / 2013,8	70	143	падъјд'ѣд'
539,8 / 1847,0	44	52	тъкѡј-тъ
	36	117	вкѡшкь
689,1 / 1501,4	67	118	нъ къртѡху
580,1 / 1615,2	97	159	нъ иредрѡм
545,3 / 1532,0	49	112	на къкѡј
483,7 / 969,1	79	139	ирьдрѡм
676,4 / 1447,1	98	116	зълетѡј
536,1 / 1526,8	72	108	къкаи-тъ
	93	76?	јирадрѡм
805,3 / 1604,6	96	182	на къртѡху
614,8 / 1648,0	107	97	на иредрѡм
	58	69	нъ кѡј жь
620,2 / 1658,1	48	106	ирадрѡм
711,9 / 1846,3	98	109	ирадрѡм
622,4 / 1614,7	90	115	нъ ирадрѡм
á			
615,3 / 1211,2	50	175	прър'внѣтала
887,6 / 1632,2	64	125	па-нашъму
785,2 / 1672,0	197 в сумме		свѣá
	69	78	(к)ъдна
596,3 / 1464,9	73	103	товáркь
610,2 / 1844,9	85	125	дъвáт'
526,1 / 1420,3	75	104	дъвá(д')
≈750 / 1374,4	56	117	кърмáн
551,9 / 1446,2	73	88	с тьвáрк'иј
	84	202	гедá
831,6 / 1579,1	64	147	пашлá
620,0 / 1428,0	59	91	сьмá
498,3 / 1165,5	53	140	н'и выгъвáр'вьу
549,3 / 1163,1	62	127	н'и выгъвáр'вьу
619,9 / 1686,5	65	153	нъ нър'áт
696,5 / 1501,3	69	106	пъдáјт'ь
690,3 / 1678,5	55	118	пъдáј
613,3 / 1724,3	49	172	къл'áск'и
727,7 / 1211,2	68	148	педáw
	62	85	сьмá
	60	103	с нъч'áт'ја
701,1 / 1464,3	73	97	сквзáw
600,8 / 1173,6	50	71	нъ дьвѣрáм
550,7 / 1673,2	96	113	рьскъзáт'
628,3 / 1906,9	50	98	тъкаи-тъ

Таблица 5

Вокализм первого предударного слога после твердых согласных
в калужском говоре

ударный гласный	верхнего подъема	средне-верхнего подъема	среднего подъема	нижнего подъема
длительность гласного 1-го предуд. слога, мс	77,5	69,0	73,4	65,2
длительность ударного гласного, мс	97,8	98,8	115,7	120,3
длительность гласного 1-го предуд. слога в % от длительности ударного	79	70	63	54
F ₁ гласного 1-го предуд. слога, Гц	656	615	621	650

Приведенные в табл. 4 и 5 данные позволяют утверждать, что в калужском говоре наблюдается принципиально иная картина по сравнению с воронежским. Качественные¹² и количественные различия гласных первого предударного слога в среднем незначительны, их изменения с изменением подъема ударного гласного носят континуальный характер: относительная длительность первого предударного гласного постепенно уменьшается с понижением подъема гласного ударного и никакой четкой границы провести не удается, т. е. линия фонологизации отсутствует¹³. Можно думать,

¹² В отношении качества предударного гласного говору свойственна, как видно, довольно широкая вариативность. Обращают на себя внимание примеры с произношением [ъ] перед [й ы ү] и [а] перед [á], совершенно нехарактерным для систем с диссимилативным аканьем. Оно может объясняться обнаруженными С. В. Кодзасовым явлениями «скрытой словесной просодии» [Кодзасов 1989; 1995; 1996]. В соответствии с этой концепцией некоторым русским диалектам свойственна бинаризация просодических признаков, которые в литературном языке троичны, вследствие чего некоторые слова приобретают маркированное значение просодического признака, особым образом влияющее на реализацию фонем. В частности, произношение предударного гласного может зависеть от значения просодических признаков *завершение гласного* и *раствор гласного*: в исследованном С. В. Кодзасовым рязанском говоре ⟨е⟩ и ⟨а⟩ после мягких реализуются как [a], если они имеют медленный или нейтральный тип завершения, и как [и], если тип завершения быстрый [Кодзасов 2000]. Вероятнее всего, нестандартная реализация гласных в калужском говоре также подчинена законам «скрытой просодии»; этот вопрос требует, впрочем, дальнейшего исследования.

¹³ По-видимому, в том же смысле должно быть интерпретировано и следующее замечание Р. И. Аванесова: «Наконец, можно отметить и такой тип диссимилативного аканья, при котором „не-а“ (т. е. [ъ]) звучит перед слогом со всеми ударными гласными, кроме ⟨и⟩ и ⟨у⟩, а перед слогом с ⟨и⟩ и ⟨у⟩ звучит [а]. Этот тип,

что в данном говоре сохраняется наиболее архаическая разновидность диссимилятивного аканья — с еще не фонологизованной континуальной зависимостью первого предупредного гласного от длительности ударного. Такой тип диссимилятивного аканья может быть назван *протодиссимилятивным* (ср. [Высотский 1977: 56—57]).

Дополнительным аргументом в пользу подобной трактовки является тот факт, что аналогичная картина наблюдается в говоре с. Бояновичи и в позиции после мягких согласных, где зафиксировано иканье — тип вокализма, не сочетающийся обычно с диссимилятивным аканьем в пределах одного говора (табл. 6).

Таблица 6

Вокализм первого предупредного слога после мягких согласных
в калужском говоре

параметры \ ударный гласный	верхнего подъема	среднего подъема ¹⁴	нижнего подъема
длительность гласного 1-го предуп. слога, мс	80	88	74
длительность ударного гласного, мс	125	154	141
длительность гласного 1-го предуп. слога в % от длительности ударного	64	57	52
F ₁ гласного 1-го предуп. слога, Гц	479	440	462

Итак, протодиссимилятивное аканье можно считать предшествующей стадией развития говоров с разными типами диссимилятивного аканья. Поскольку мы исходим из предположения, что исходным типом вокализма для всех акающих говоров является недиссимилятивное аканье с последующим развитием более или менее тесной¹⁵ связи между первым предуп-

отмеченный на территории Белгородской области, почти не встречается самостоятельно, а в сосуществовании с основным белорусским типом диссимилятивного аканья» [Аванесов 1974: 146].

¹⁴ Слов с первым предупредным гласным после мягкого согласного при ударном гласном средне-верхнего подъема в тексте не встретилось, однако общая картина представляется достаточно ясной и без них. Мы хотели бы обратить внимание на то, что пятиминутного звучащего текста, коль скоро он включен в хрестоматию, должно быть вполне достаточно для определения модели вокализма, о чем красноречиво свидетельствуют данные инструментального обследования текста из воронежского говора, приведенные выше.

¹⁵ В подавляющем большинстве акающих говоров присутствует противопоставление ударного и первого предупредного слогов, составляющих просодическое ядро слова, всем остальным безударным, но в говорах с диссимилятивным аканьем (яканьем) это противопоставление более выражено, связь между слогами просоди-

дарным и ударным гласными, т. е. формированием просодического ядра слова, то логично рассматривать протодиссимильативный вокализм как промежуточный между недиссимильативным и диссимильативным. Вывод о его существовании в прошлом вытекает из развиваемой нами гипотезы; теперь же такая модель оказывается зафиксированной в современных говорах. Схема протодиссимильативного аканья может быть представлена следующим образом (табл. 7; знаком α обозначается любой гласный от [а] до [ъ]).

Таблица 7

Протодиссимильативное аканье

предударный гласный	ударный гласный		
α :	и	ы	у
α'	ѣ		ѐ
α	е		о
ѣ	а		

Таким образом, на основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что количественная диссимильация гласных внутри просодического ядра в современных русских говорах может представлять собой как живой фонетический (коартикуляционный) процесс, так и — на более поздней ступени развития системы — фонологическое чередование¹⁶. То же можно предполагать и в связи с явлением, в некотором смысле противоположным, — уподоблением гласных по качеству внутри просодического ядра. Так, Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель описаны говоры, в которых подобное уподобление предударного гласного ударному возможно не только после мягких согласных, но и после твердых [Касаткина, Щигель 1995]. Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель предложили считать этот тип вока-

ческого ядра сильнее. Попытка фонологической интерпретации (в терминах концепции Р. И. Аванесова 1956 г. [Аванесов 1956]) отношений гласных просодического ядра в некоторых говорах с диссимильативным яканьем была предпринята в свое время М. В. Пановым [1972].

¹⁶ К. Ф. Захарова выделяет среди типов диссимильативного яканья *фонетические* (фонетически закономерные, фонетически обусловленные), при которых «чередование гласных *a* и не-*a* на месте гласных неверхнего подъема зависит только от качества ударенных гласных», и *нефонетические*, при которых «чередование гласных *a* и не-*a* в пределах одной морфемы перед ударенными гласными верхнего и неверхнего подъемов не зависит от их качества и подъема, а является чередованием фонем, имеющим грамматическое, а не фонетическое значение» [Захарова 1971: 3]. В нашей терминологии фонетические типы по К. Ф. Захаровой должны быть названы фонологизированными (см. прим. 3), тогда как нефонетические обязаны своим возникновением лексикализации / морфологизации фонологических чередований.

лизм ассимилятивно-диссимилятивным аканьем на основе архаического диссимилятивного — по аналогии с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, широко распространенным в говорах Рязанской группы южного наречия. Однако в тех говорах, в которых предполагается наличие ассимилятивно-диссимилятивного аканья, произносится не только [a]-образный редуцированный¹⁷ гласный в положении перед ударным [á], но и лабиализованные редуцированные в положении перед ударным [ó], и упередненные редуцированные в положении перед ударным [é] — таким образом, диссимиляция (количественная) в этих говорах является системным фактом, фонологическим (лингвистическим) правилом, а ассимиляция (качественная) — поверхностным, фонетическим (коартикуляционным) явлением (в отличие от юго-восточных говоров с «настоящим» ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, где ассимиляция ([ъ] → [a] перед [á]) уже фонологизирована и является лингвистическим правилом). Это обстоятельство позволяет характеризовать исследованное Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель явление не как особую модель диссимилятивного аканья, а как факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср., например, в[^o]дú при в[^e]lá в севернорусских говорах [Касаткина 1996]), но и литературному языку — п[^o]утрú, п[^o]купáть, д[^o]кумéнт¹⁸ [Пауфошима 1980] (необходимо отметить, что ассимилятивным изменениям в наибольшей степени подвержены именно редуцированные гласные).

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов 1956 — Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1974 — Р. И. А в а н е с о в. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Брок 1916 — О. Б р о к. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

Высотский 1973 — С. С. В ы с о т с к и й. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17—41.

Высотский 1977 — С. С. В ы с о т с к и й. К вопросу о диссимилятивном принципе вокализма // Экспериментально-фактические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 53—59.

Дурново 1969 — Н. Н. Д у р н о в о. Введение в историю русского языка. [2-е изд.] М., 1969.

¹⁷ О том, что это не «нормальное» [a], свидетельствует его «повышенное» образование и значительно меньшая длительность по сравнению с [a] в положении перед ударными гласными верхнего подъема [Касаткина, Щигель 1995: 298].

¹⁸ Знаком [ъ^o] обозначается лабиализованный редуцированный гласный.

Захарова 1971 — К. Ф. Захарова. Типы диссимильативного яканья в русских говорах (лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2. С. 3—18.

Касаткин (ред.) 2005 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. [3-е изд.] М., 2005.

Касаткина 1996 — Р. Ф. Касаткина. Межслоговая ассимиляция гласных в русских говорах // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 207—221.

Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры: Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Касаткина, Щигель 1995 — Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель. Ассимильтивно-диссимильативное аканье // Проблемы фонетики. Вып. 2. М., 1995. С. 295—309.

Князев 2000 — С. В. Князев. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // ВЯ. 2000. № 1. С. 75—101.

Князев 2001 — С. В. Князев. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 8—42.

Князев 2003 — С. В. Князев. О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке // Славянское языкознание: Материалы конф. к XIII Междунар. съезду славистов / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 90—112.

Князев, Пожарицкая 2002 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Еще раз о механизме формирования умеренного яканья в русском языке // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рожд. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 273—280.

Князев, Шаульский 2006 — С. В. Князев, Е. В. Шаульский. О «протодиссимильативном» аканье // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тез. докл. Междунар. конф. 23—25 октября 2006 г. / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2006. С. 89—92.

Кодзасов 1989 — С. В. Кодзасов. О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание: Просодия: Сб. ст. М., 1989. С. 26—40.

Кодзасов 1995 — С. В. Кодзасов. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. Вып. 2. 1995. С. 157—171.

Кодзасов 1996 — С. В. Кодзасов. Просодические классы слова и место ударения // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 70—85.

Кодзасов 2000 — С. В. Кодзасов. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Докл. и тезисы науч. конф. М., 2000. С. 88—94.

Колесов (ред.) 1998 — Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. 2-е изд. М., 1998.

Кузнецов (ред.) 1973 — Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973.

Кузнецов, Отт 1989 — В. Б. Кузнецов, В. А. Отт. Автоматический синтез речи: Алгоритмы преобразования «буква—звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.

Панов 1972 — М. В. Панов. О синтагматике гласных в говорах с диссимильативным яканьем // Русское и славянское языкознание: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 218—226.

Пауфошима 1980 — Р. Ф. Пауфошима. Активные процессы в современном русском литературном языке: (Ассимилятивные изменения безударных гласных) // ИАН СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1. С. 61—68.

Сталькова 1973 — И. Л. Сталькова. Предударный гласный *ы* (этимологический) в системе диссимилятивного аканья // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 74—87.

Строганова 1955 — Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. 1955. № 4. С. 94—103.

Хабургаев 1965 — Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья // ВЯ. 1965. № 6. С. 55—63.

Шахматов 1896 — А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров // РФВ. Т. 36. 1896. № 3—4.

Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 (Энцикл. славянской филологии. Вып. 11.1).